

РЭИ ХАРТ

ТЫШКА
ДЛЯ КАВКАЗЦА
СЛАДКИЙ ПЛЕН

18+

Рэй Харт

Пышка для кавказца.

Сладкий плен

<https://litres.ru/73893346>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лера ненавидит своё тело, свою работу и бывшего мужа, который до сих пор звонит ей по ночам. Её жизнь — серая, как московский смог. А потом её похищают.

Похититель — красивый, опасный кавказец с руками скульптора и взглядом коллекционера. Он не требует за неё выкупа. Он кормит её ужинами при свечах, танцует с ней под джаз и смотрит так, будто она — картина, которую он искал всю жизнь.

Лера должна ненавидеть его. Должна планировать побег. Должна бояться.

Но почему каждую ночь её тело тянется к нему само? И почему впервые за много лет она чувствует себя свободной?

Он говорит, что у неё есть месяц, чтоб полюбить его.

А она теперь не знает, хочет ли уезжать из этого сладкого плена.

Рэй Харт

Пышка для кавказца.

Сладкий плен

Часть первая. Москва. Пыль и одиночество.

Глава 1. Лера

Москва в конце августа — это город, который забыл, что такое свежий ветер. Асфальт плавится под подошвами моих балеток, и каждый шаг оставляет липкий след, будто я иду по жевательной резинке, разогретой солнцем до состояния гудрона. Небо — не небо вовсе, а грязно-белёсая простыня, натянутая над головами, сквозь которую едва пробивается больное, желтоватое солнце. Воздух пахнет озоном, жареными семечками с лотка у метро и бензином — этой троицей, которую москвичи вдыхают вместо кислорода и даже перестали замечать.

Я выхожу из галереи в 22:15. Цифры на телефоне вспыхивают холодным белым светом, напоминая, что рабочий день кончился давным-давно, а жизнь — нет. Галерея «Арт-Пространство» на окраине Москвы — моё убежище и моя тюрьма одновременно. Директорша, Зинаида Павловна, дама с

причёской как у Екатерины Второй и характером как у танка, сегодня устроила разнос из-за того, что я заказала не тот багет для новой выставки. Тот самый багет, который она сама утвердила две недели назад, но сейчас упорно делала вид, что видит его впервые.

Я не спорю. Я давно научилась не спорить с женщинами, у которых в кабинете висит портрет президента и икона Казанской Божьей Матери. Киваю, извиняюсь, заказываю новый багет за свой счёт — три тысячи рублей.

— Лера, ты сегодня какая-то... вымотанная, — бросает мне вслед Зинаида Павловна, когда я уже у порога. — Отдохнула бы. Мужчина тебе нужен, а не работа до поздна.

Я улыбаюсь той улыбкой, которая не трогает глаз:

— Обязательно заведу. Сразу двоих.

Она не понимает иронии. Она вообще не понимает иронии, потому что в её мире мужчины либо мужья, либо начальники, а женщины либо секретарши, либо дуры. Я — и то, и другое, как карта лояльности.

Охранник дядя Гриша играет в «сапёра» на старом кнопочном телефоне. Даже не поднимает головы на прощание. Ему плевать, кто я и что я. У него своя война с минами на экране размером три на три.

Выхожу на улицу, и жара вцепляется в горло влажными, липкими пальцами. Блузка из тонкого хлопка прилипает к лопаткам, волосы — длинные, тёмные, выющиеся от природы — лезут в лицо, и я собираю их в небрежный хвост, про-

сто чтобы не есть их сегодня вместо ужина.

Иду пешком. Два квартала до дома. Один из немногих плюсов работы в этой дыре за МКАДом: рядом жильё. Снимаю однокомнатную сталинку с высокими потолками, лепниной на потолке и вечно текущим краном на кухне. Домофон сломался ещё до моего рождения, и жильцы уже привыкли открывать дверь ключом, который подходит к подъезду с пятой попытки.

Набираю номер отца. Знаю, что уже очень поздно, но позвонить я должна. Иду по тротуару, смотрю под ноги, чтобы не наступить в голубиное дерьмо.

— Пап, привет.

— Лерочка! — голос у него бодрый, даже слишком, зная какой сейчас час. Я знаю эту бодрость. Это маска, за которой — вечер в пустой трёхкомнатной хрущёвке на окраине, телевизор, включённый на полную громкость, и холодильник с банками солёных огурцов. — Как дела, дочка?

— Нормально. Завтра приеду, как обычно. К трём.

— О, а я тебе пирожков напёк! — он врёт, и мы оба это знаем. Пирожки он покупает в пекарне у метро, но говорит, что напёк сам, чтобы я не волновалась, что он уже совсем стал старый и беспомощный.

— Пап, ты же знаешь, врач тебе мучное запретил.

— А я врача не слушаю, — ворчит он. — Врачи сами не знают, чего советовать. Привозили бы они мне внуков, тогда бы и советовали.

Старая песня. Я закатываю глаза, но в голосе улыбаюсь.

— Внуки требуют мужа, папа. А мужей в Москве не раздают просто так.

— На Кавказе вон раздают. Красивые, чернявые. Я смотрю телевизор — там такие джигиты, загляденье.

— Я видимо смотрю другой телевизор, пап.

Он смеётся, кашляет, я слышу эти хрипы и считаю про себя: раз, два, три — он откашляется, потом скажет «ничего, это я просто поперхнулся». Так было в прошлый раз, и в позапрошлый, и в тот, когда мама ещё была жива.

Он откашливается.

— Ничего, это я просто...

— Поперхнулся, знаю. Ты куришь, папа.

— Не курю я!

— Врёшь мне и даже не краснеешь.

— Ну одну сигарету. Одну. Ты же не приедешь сейчас, зачем мне...комнату проветривать. — Он замолкает. — Ты завтра приедешь?

— Завтра. Кофе турецкий сварю. С корицей, как я люблю.

— Сварю, сварю. А пирожки?

— И пирожки. Но я всё равно опять на диете.

— На какой диете? Ты и так тощая.

Это ложь, и он знает. Я не тощая. У меня размер 48, мягкие плечи, круглый живот и бёдра, изрисованные целлюлитом, как карта звёздного неба. Отец говорит «тощая», потому что он меня любит. Бывший муж говорил «жирная коро-

ва», потому что он меня ненавидел. Истина где-то посередине, но я уже перестала искать истину в зеркалах.

— Всё, пап, я у дома. Завтра позвоню, как выйду.

— Целую, дочка. Береги себя.

— И ты.

Кладу трубку. Ускоряю шаг.

Улица пустая. Фонари горят через один, и тени от деревьев падают на асфальт чёрными, рваными пятнами. Хрущёвки по обе стороны — пятиэтажки с облупившейся краской и вечно мусорными баками у подъездов. Район спальный, тихий. Слишком тихий, для одинокой девушкой, почти в одиннадцать вечера.

Я это замечаю, когда слышу позади шаги.

Не торопливые. Не крадущиеся. Уверенные. Тяжёлые. И шум машины — не старого жигуля, а дорогого внедорожника с мощным двигателем, который урчит, как сытый лев.

Оборачиваюсь через плечо.

Никого. Только припаркованные машины. Чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами стоит в двадцати метрах, двигатель работает, но с водительского места никого не видно. Может, ждёт кого-то.

Я делаю ещё несколько шагов.

Шаги за спиной повторяются.

Сердце начинает стучать быстрее. Ручка сама нащупывает на поясе перцовый баллончик — красный, цилиндрический, купленный после развода, когда Кирилл выследил ме-

ня у галереи и устроил сцену с битьём моих картин. Он тогда кричал: «Ты без меня никто, ты никому не нужна, жирная тварь!» Я плакала, а потом пошла в магазин самообороны и купила баллончик. И газовый пистолет. И электрошокер, который до сих пор валяется в ящике, потому что я боюсь им пользоваться.

Шаги приближаются.

Рука сжимает баллончик. Я готова выхватить его, снять колпачок, нажать — всё это отточено на тренировках в пустой комнате перед зеркалом.

Я не успеваю.

Тень. Огромная, чёрная, падает на меня, как крыло ночной птицы. Рука — нет, две руки — обхватывают меня сзади. Одна зажимает рот, вторая прижимает руки к туловищу. Я мычу, брыкаюсь, но меня отрывают от земли. Меня несут. Пять шагов, шесть. Дверь машины открывается — я слышу этот звук, приглушённый, дорогой. Меня заталкивают на заднее сиденье, и я падаю лицом в кожу, пахнущую кондиционером и освежителем воздуха.

Мешок. Мне на голову натягивают мешок — грубая ткань, воняющая синтетикой и краской. Я пытаюсь дышать, но воздух горячий, спертый, и паника сжимает горло так, что становится трудно даже мычать.

— Тихо, — голос. Низкий, спокойный, с акцентом. Кавказским, мягким, почти незаметным. — Не брыкайся. Не страдаешь.

Я не слушаю. Бью ногами, пытаюсь достать его коленом. Он смеётся — коротко, беззлобно.

— Добрая, — говорит он кому-то.

Укол в шею я чувствую, когда машина уже трогается. Игла тонкая, холодная, входит в мышцу под ухом, и по телу разливается ледяная волна. Снотворное. Я знаю это чувство — как будто кто-то выключает тебя из розетки. Сначала плывёт картинка, звуки становятся ватными, потом исчезают.

Последнее, что я осознаю: чья-то рука поправляет край мешка у моего носа, оставляя щель для воздуха. И голос — тот же, низкий:

— Везём аккуратно. Она хрупкая.

Потом — темнота.

Я не знаю, сколько прошло времени, когда прихожу в себя.

Чувства возвращаются не все сразу. Сначала слух: тишина. Совершенно не московская, где всегда есть фон — машины, поезда, музыка из соседней квартиры. Здесь тишина плотная, как вода. Её можно потрогать. Потом — осязание: что-то гладкое, холодное под пальцами. Шёлк. Очень дорогой шёлк. Простыни. Я лежу на кровати, огромной, мягкой, и тело моё укутано в лёгкую ткань. Не в джинсы, не в блузку.

Потом — запах. Лаванда. Свежесть. Чистота. И что-то ещё — цветы, розы? Да, розы. Где-то рядом.

Я открываю глаза. Свет. Белый, чистый, льющийся из

огромных окон. На окнах — решётки. Кованые, чёрные, красивые — не как в тюрьме, как в дорогом бутике. За окнами — горы.

Я сажусь. Резко. Голова идёт кругом, меня подташнивает, но я заставляю себя сидеть.

Горы.

Настоящие Кавказские горы. Зелёные склоны, покрытые лесом, выше — скалы с шапками снега, ещё выше — небо, такое синее, какого не бывает над Москвой. Голубое до боли, до рези в глазах. Облака плывут низко, цепляясь за вершины.

Я на Кавказе.

Меня похитили и увезли за тысячу километров.

Смотрю на себя. Сорочка. Кремовая, атласная, с тонкими бретелями. Дорогая — я знаю такие ткани, в галерею привозили итальянский шёлк ручной работы, так вот это из той же оперы. Под сорочкой — ничего. Ни трусов, ни лифчика.

Кто-то раздел меня догола. Пока я спала. Меня раздевал, снимал джинсы, блузку, балетки — кто-то видел мои растяжки, целлюлит, шрам от аппендицита. Кто-то шарил руками по моему телу, надевая эту сорочку.

Я опускаю руку между ног. Пальцы дрожат. Нет. Ничего не болит. Нет саднения, нет следов. Если бы меня изнасиловали, тело бы помнило. Тело бы ныло, кровоточило. Я чувствую только лёгкую слабость в мышцах — последствия снотворного.

Меня не трогали.

Или трогали, но так, что я не проснулась.

Тошнота подкатывает к горлу.

Я встаю. Ноги трясутся, и я опираюсь о стену, чтобы не упасть. Комната большая, светлая, с высоким потолком и лепниной по углам. Мебель — только огромная кровать с балдахином из белого шёлка, прикроватный столик из тёмного дерева и дверь в ванную.

Иду к двери. Пробую — заперта.

Стучу. Кулаком, громко, в такт сердцу, которое бешено колотится.

— Есть кто?! Откройте!

Никого.

Стучу ещё. Зову. Кричу до хрипоты.

Тишина. Только птицы за окном.

Я подхожу к окну. Решётки вделаны в стену — не открутить, не сломать. Стекло толстое, пуленепробиваемое? Наверное. За стеклом — идеальный газон, кусты роз, фонтан. Дальше — лес. А за лесом — горы.

Ни одного соседнего дома. Ни машин, ни людей.

Я одна.

Иду в ванную. Белый кафель, белый потолок. Зеркала нет — ни над раковиной, ни на стене. Только полированная ручка крана, в которой я вижу своё расплывчатое отражение. Бледная, растрёпанная, на шее — красная точка, след от укула.

Мыло есть. Пахнет лавандой. Полотенце — пушистое, бе-

лое.

Я сажусь на край ванны. Сжимаю голову руками.

— Лера, — шепчу себе. — Ты умная. Ты перенесла брак с Кириллом. Переживёшь и перенесёшь всё это.

Не переживу. Сдохну здесь.

— Нет. Соберись.

Паника — это роскошь. Я не могу её себе позволить.

Начинаю думать. Системно, как учили на курсах самозащиты.

Похищение. Выкуп? Но у меня нет денег, у отца нет денег, подруги среднего достатка. Кому я нужна?

Рабство? Но тогда меня бы уже... нет, не думать. И зачем дорогая сорочка? В притонах не одевают жертв похищения в итальянский шёлк.

Псих. Маньяк. Коллекционер. Богатый извращенец, который крадёт женщин и держит в золотых клетках.

Этот вариант самый страшный. И самый вероятный.

Я обхватываю себя руками, раскачиваюсь взад-вперёд. В животе урчит. Я не знаю, сколько я спала — может, сутки, может, больше. Голодная, как волк.

Возвращаюсь в комнату. Сажусь на подоконник, поджав ноги. Смотрю на горы.

Красивые. Чёрт возьми, до чего же красивые. Если бы меня привезли сюда добровольно, я бы плакала от восторга. Но меня привезли в мешке, и теперь эта красота — моя тюрьма.

Я не знаю, сколько прошло времени. Часов нет, солнце медленно ползёт по небу, и я слежу за тенями. Два часа? Три?

В дверях щёлкает замок.

Я вскакиваю, прижимаюсь спиной к стене. Сердце колотится так, что, кажется, его слышно во всём доме.

Дверь открывается.

Входит мужчина.

Огромный. Чёрный. Лысый. Плечи — как дверной проём. Белая рубашка, чёрные брюки, кожаные туфли. Он похож на профессионального борца или на телохранителя из фильмов про президентов.

В руках — поднос.

Нубиец. Настоящий нубиец — высокий, жилистый, с тёмной, почти синей кожей. Лицо спокойное, глаза тёмные, ничего не выражают.

Он ставит поднос на прикроватный столик. Кланяется. Молча.

Поворачивается, чтобы уйти.

— Стой! — голос срывается. — Кто ты? Где я? Зачем я здесь?

Он останавливается. Смотрит на меня. Ни тени эмоций.

— Ты понимаешь по-русски? — спрашиваю медленно, как глухого.

Он кивает.

— Отвечай!

Он подносит палец к губам. Жест «тихо». Снова кланяется.

И выходит.

Дверь закрывается. Замок щёлкает.

Я смотрю на поднос.

Вазочка с красной розой. Свежей, с каплями воды на лепестках.

Тарелка с фруктами — персики, виноград, инжир. Кожица персика бархатистая, пахнет солнцем.

Ризотто с морепродуктами. Шафран, сливки, креветки, мидии. Пахнет так, что у меня текут слюни, и я ненавижу себя за это.

Бокал шампанского. Пузырьки поднимаются кверху, играют на свету.

Еда может быть отравлена. Мне могут подмешать наркотики. Или снотворное, чтобы я снова отключилась.

Но я голодна. И если они хотели меня убить, у них была куча возможностей.

Я сажусь на кровать. Беру вилку.

Пробую ризотто.

Боже.

Рис альденте, соус нежный, с чесночным послевкусием. Креветки упругие, сладковатые. Я закрываю глаза и просто жую, не думая ни о чём.

Виноград лопается на языке сладким соком.

Инжир — мягкий, мёдовый.

Шампанское холодное, сухое, с нотками зелёного яблока.
Я съедаю всё. До крошки. Выпиваю шампанское до дна.
Откидываюсь на подушку.
Похитители кормят меня деликатесами.
Я не понимаю.

Вечером нубиец приносит ужин.

Снова кланяется. Снова молчит.

На подносе — канapé сыр с голубой плесенью и грушей,
маслины, вяленые томаты. Бокал красного вина — тёмного,
почти чёрного.

Я ем. Молча.

Пью вино. Оно терпкое, с нотками вишни и табака.

После ужина моюсь в душе. Воды много, горячая, с хорошим напором. Я стою под струями и плачу. Плачу тихо, чтобы никто не слышал. А кто услышит мои слёзы? Никого рядом нет.

Потом ложусь в кровать. Шёлк приятно холодит кожу.

Засыпаю с мыслью об отце. Он будет ждать меня. Сварит кофе. Купит пирожные. Сядет у окна и будет смотреть на двор.

Я не приеду.

Он будет звонить. Не дозвонится.

Начнёт волноваться. Потом — паниковать.

А у него сердце.

Я засыпаю в мокрой подушке.

Глава 2. Лера. Незнакомец с розой

Сон — как падение в чёрную яму без стен. Ни сновидений, ни голосов, ни даже темноты — просто отсутствие всего. Я проваливаюсь в него с головой, как в болото, и выбираюсь оттуда с трудом, будто сквозь густую патоку.

Пробуждение приходит не как утро — как удар.

Что-то касается моей щеки. Мягкое, прохладное, с едва уловимым шорохом лепестков.

Я не открываю глаза. Сначала — просто слушаю. Где-то далеко птицы, за окном всё так же шумит лес. Тишина не привычная, а живая, со своим дыханием. И другое дыхание. Рядом. Чужое, мужское, ровное и спокойное, как будто человек сидит здесь уже давно и не собирается уходить.

Прикосновение повторяется. Теперь к шее. Лепестки скользят по коже, оставляя едва ощутимую влажную дорожку. По ключице, выглядывающей из-под бретели сорочки. По плечу.

Медленно. Нежно. С какой-то пугающей интимностью.

Я распахиваю глаза.

На краю моей кровати сидит мужчина.

Я не вскрикиваю — просто не успеваю. Голос застревает в горле, потому что этот мужчина... красивым его назвать недостаточно. Слово «красивый» для мальчиков с обложек. Этот другой. Опасный. Собранный. Он сидит, положив ногу

на ногу, и смотрит на меня так, будто я — картина в галерее, которую он уже купил и теперь рассматривает в домашней обстановке.

Тёмные волосы, чуть выющиеся на концах, падают на лоб. Лёгкая щетина — чёрная, жёсткая — очерчивает мощную челюсть. Глаза карие, почти чёрные, бездонные. В них нет ни жестокости, ни пошлости — только внимание. Давящее, плотное, как горный воздух.

Он в чёрной рубашке с длинным рукавом, рукава закатаны до локтя, обнажая сильные предплечья с тёмными волосами и дорогие часы — золото и кожа, я не знаю марку, но работа в галерее научила меня видеть деньги. Дорого. Очень. Чёрные брюки, на ногах — мягкие кожаные туфли без носков.

В руке у него белая роза. Самую малость увядшая — лепестки начали желтеть по краям, и от этого она кажется ещё более живой, чем тепличные цветы.

Он водит ею по моей шее, и я чувствую запах — не розы даже, а его. Мятное мыло, лес, чистая дорогая кожа и что-то ещё, тёплое, животное, отчего низ живота сжимается без моего позволения.

Я отшатываюсь. Прижимаюсь спиной к изголовью кровати, натягиваю одеяло до подбородка.

— Кто вы? — Голос хриплый, простуженный страхом. — Как вы сюда попали?

Он не торопится отвечать. Кладёт розу на подушку рядом

со мной — белый лепесток отламывается и падает на шёлк.

— Руслан, — говорит он. Голос низкий, с хрипотцой, с кавказским акцентом, который делает каждое слово тягучим, как мёд. — А попал я через дверь. Ключ у меня есть.

— Вы мой похититель?

— Я твой гость. Невежливый, но гость.

— Я вас не приглашала.

— Это я заметил.

Он улыбается. Белые зубы, ровные, не голливудские — живые. Улыбка трогает уголки глаз, и я замечаю морщинки — ему где-то тридцать. Взрослый мужчина, не мальчик.

Я сжимаю одеяло так, что костяшки белеют.

— Вы знаете, что похищение — уголовное преступление? Тюрьма, Руслан. Реальный срок.

— Знаю, — кивает он спокойно, будто мы обсуждаем погоду. — Готов понести наказание.

— Тогда отпустите меня сейчас же!

— Не могу.

— Почему?!

— Потому что ты уйдёшь. И я тебя больше никогда не увижу.

Он говорит это просто, без надрыва, без театральности. И от этой простоты становится страшнее, чем от любой угрозы.

— Вы меня не знаете, — говорю я.

— Знаю. — Он подаётся вперёд, и я чувствую его запах острее. — Лера, двадцать девять лет, родилась в Москве,

закончила Суриковское училище, работала в трёх галереях, сейчас в «Арт-Пространстве». Не любишь кошек, но гладишь бездомных у подъезда. Боишься грозы, но любишь дождь. Пьёшь мятный чай с тремя ложками сахара, хотя совесть требует одну. Спишь на левом боку, поджав колени к животу — поза эмбриона. Была замужем за Кириллом Суховым, который бил тебя, унижал и до сих пор не отстал. Развелась с ним год назад.

Я замираю.

— Вы следили за мной.

— Присматривал.

— Какая разница?

— Присматривать — значит заботиться. Следить — желать зла. Я тебе зла не желаю.

— Вы меня похитили!

— Я тебя спас. — Он говорит это твёрдо, без тени сомнения. — От Москвы, от одиночества, от бывшего, который скоро мог тебя убить. Он пьяный за рулём, Лера. Он выезжал на встречу три раза за последний месяц. Ты могла быть в машине.

— Откуда вы... — задыхаюсь.

— Я много чего знаю. И многое тебе расскажу. Но не сейчас.

Он встаёт. И тут я понимаю, насколько он высокий. Под метр девяносто, не меньше. Плечи — как турник. Я смотрю на него снизу вверх, и меня трясёт.

— По дому можешь ходить свободно, — говорит он, направляясь к двери. — Но в красную дверь в конце коридора на втором этаже — не заходить. Остальное — пожалуйста.

— А если я захочу сбежать?

Он оборачивается. Улыбается краем губ — той улыбкой, от которой по позвоночнику у меня бегут мурашки.

— Попробуй.

И выходит.

Я сижу на кровати, обмотанная одеялом, и пытаюсь унять дрожь. Не получается.

Руслан.

Имя звенит в голове, как только что сказанное заклинание.

Я прокручиваю его слова, его лицо, его запах. И вдруг — вспышка.

Галерея. Месяц назад. Раннее утро, я пришла открывать зал, потому что сменщица заболела. Перед этим Кирилл звонил в три ночи — пьяный, рыдал, говорил, что прыгнет с моста, если я не вернусь. Я не спала, пила валерьянку, тряслась.

В галерею зашёл мужчина. Высокий, темноволосый, в дорогом костюме. Я тогда подумала — очередной нувориш, коллекционирует для интерьера. Он не смотрел на картины — смотрел на меня. Я была в растянутом свитере, без макияжа, с красными глазами.

Он купил три картины. И все мои. Не торгуясь.

Через неделю — ещё одну.

А я не обратила внимания. Потому что привыкла, что меня мужчины не замечают. А если замечают — то чтобы уни-
зить.

Это был он.

Я закрываю лицо руками.

— Ты в ловушке, Лера.

В дверь стучат. Негромко, но вежливо.

— Да?

Входит нубиец. Сегодня он в светло-серой рубашке, вы-
глядит почти элегантно. На подносе — завтрак.

Омлет с помидорами черри и базиликом. Подрумянен-
ный, воздушный, пахнет яйцом и зеленью так, что у меня
текут слюни. Круассан с шоколадом — рассыпчатый, масля-
ный. Кофе — чёрный, без сахара, как я люблю.

Он ставит поднос. Смотрит на меня. В его глазах — лёгкое
любопытство, но не более.

— Спасибо, — говорю.

Он кланяется. Уходит.

Я ем. Думаю.

Красная дверь. Он запретил туда ходить. Значит, там са-
мое интересное. Или самое страшное.

Но сегодня я не полезу. Я слишком напугана.

После завтрака я принимаю душ. Мою голову — волосы
длинные, тёмные, волнистые, они падают на спину мокрыми

пряжами. Вытираюсь полотенцем. Смотрю на себя в отражение крана — бледное лицо, зелёные глаза, круглые щёки.

— Ты справишься, — шепчу.

Надеваю чистую сорочку — новую, голубую, из того же тонкого шёлка. Выхожу в коридор.

Особняк огромный. Я иду медленно, запоминая повороты, двери, лестницы. Первый этаж — кухня, гостиная с камином, столовая, библиотека. Второй — спальни, кабинет, и в самом конце — красная дверь.

Я прохожу мимо. С силой отвожу взгляд.

Захожу в кабинет. Он не заперт.

Большая комната с высокими окнами, выходящими на горы. Стол из тёмного дерева, кожаное кресло, книжные шкафы от пола до потолка. На стенах — картины.

Мои.

Четыре. Те самые, которые он купил. «Молчание», «Бездна», «Одиночество», «Восход». Они висят в дорогих рамах, под стеклом, с правильным освещением.

Я подхожу к «Молчанию». Картина, которую я писала в депрессии после того, как Кирилл разбил мою любимую кружку — мамину, из ГДР, с петухами. Я сидела на кухне среди осколков и плакала, смешивая слёзы с краской. Мазки толстые, нервные, почти агрессивные.

Он купил это.

Зачем?

Я касаюсь пальцами рамы. Стекло холодное.

— Нравится, как висят?

Я вздрагиваю. Резко оборачиваюсь.

Руслан стоит в дверях. Волосы влажные — только из душа, рубашка свежая, светло-голубая. Без пиджака.

— Ты ходишь бесшумно, — говорю.

— Ты была увлечена.

Он подходит ближе. Останавливается в метре.

— Ты не зашла в красную дверь.

— Ты же просил не заходить.

— Я просил. Но думал, что ты зайдёшь.

— Почему?

— Потому что ты любопытная. Это видно по твоим картинкам. Ты ищешь ответы там, где их нет.

— А за красной дверью есть ответы?

Он усмехается.

— Есть вопросы.

Он садится в кресло, уверенным жестом приглашает меня сесть напротив. Я сажусь на краешек стула, готовая вскочить в любой момент.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю. — Похищение, этот дом... Зачем?

Он сцепляет пальцы, кладёт руки на стол.

— Я уже ответил. Ты мне нужна.

— Для чего? Секса? У тебя есть деньги, ты можешь купить себе любую женщину.

Он хмурится. Впервые за всё время в его глазах появляется что-то острое. Опасное.

— Я не покупаю женщин, Лера. Я не торгуюсь за любовь.
— Он делает паузу. — Я хочу только тебя. Твой ум, твой талант, твою ярость. Ты злишься, когда тебя обижают. Ты не ломаешься. Ты — как эти горы. Вечная. Непокорённая.

Я молчу. В горле пересохло.

— Ты больной, — наконец выдавливаю.

— Допускаю такое.

— Мне нужен телефон. Я хочу позвонить отцу.

Он качает головой.

— Не сейчас.

— Руслан!

— Через неделю. Я сам позвоню ему и скажу, что ты в безопасности.

— Он не поверит незнакомцу. Особено мужчине.

— Поверит. Я найду слова. Ты меня плохо знаешь.

Я встаю. Хочу уйти, хлопнуть дверью, но дверь тяжёлая, и хлопок получается жалким.

Глава 3. Лера. Золотая клетка и её обитатели

Я не выхожу из комнаты до вечера.

Сижу на подоконнике, смотрю на горы и пытаюсь убедить

себя, что я — не героиня дешёвого любовного романа. Что я — взрослая, умная женщина, которая прошла через абьюз, развод, депрессию, два года терапии и теперь точно знает: мужчины — это боль. Даже такие красивые как он. Даже с лёгким кавказским акцентом и часами за полмиллиона.

— Ты точно не влюбишься в похитителя, — говорю себе вслух. — Это синдром Стокгольма, а не любовь. Ты просто хочешь выжить.

Горы молчат. Им плевать на мои психологические травмы.

Внутри меня борется страх и... чёрт возьми, что-то ещё. То самое, от чего низ живота сжимается, когда я вспоминаю его голос. Низкий, с хрипотцой, с этой кавказской тягучестью, от которой хочется закрыть глаза и слушать, как слушают виолончель.

— Нет. Только не это.

Я ненавижу себя за эту реакцию. Меня похитили, заперли, кормят как на убой — а я возбуждаюсь от его голоса. Лера, ты конченная идиотка.

Вспоминаю Кирилла. Как он первый год был милым, заботливым, приносил цветы почти каждую пятницу. А потом — сначала слова: «ты поправилась», «ты что, не могла подобрать платье по размеру?», «моя мама говорит, что ты не умеешь готовить». Потом — руки: сначала толчок, потом пощёчина, потом удар в стену рядом с моей головой. Потом — сломанные пальцы. «Нечаянно, Лера, ты же сама упала».

Я дала себе клятву: больше никогда. Никогда не влюбляться. Никогда не подпускать мужчину ближе, чем на метр. Никогда не снимать перед ним одежду добровольно.

И что я делаю сейчас? Сгораю от стыда и желания одновременно, глядя на фотографии в альбоме, который нашла на чердаке.

Да, я нашла чердак.

После того, как Руслан ушёл из кабинета, я решила исследовать дом как следует. Не для побега — для собственного спокойствия. Когда знаешь карту местности, страшно чуть меньше.

Чердак — пыльный, пахнувший деревом и старыми вещами. Чемоданы, коробки с ёлочными игрушками, сломанный велосипед. И альбом.

Я открыла его, села на пол, обдуваемая сквозняком из слухового окна.

Вот Руслан в детстве — кудрявый мальчик лет десяти, в белой рубашке, с серьёзным лицом. На фоне гор. Рядом — красивая женщина в длинном платье, с такими же карими глазами. Мать. Она обнимает его за плечи, и он улыбается — впервые на всех фото. Рядом мужчина с бородой, в папахе — отец. Суровый, сбитый, рука на кинжале.

Вот Руслан-подросток — уже высокий, худой, с гитарой. Сидит на камне, ветер треплет волосы. Смотрит вдаль.

Вот юноша в военной форме — нет, просто в тёмном костюме с какими-то нашивками. Кавказская свадьба? Да, бе-

лое платье, фата. Рядом женщина — её лица не видно под вуалью, но по напряжённой позе чувствуется: она не счастлива.

Я захлопнула альбом.

Не моё дело. Не моя жизнь.

Быстро спустилась вниз.

Вечером нубиец приносит ужин.

Я встречаю его у двери. На подносе — горячий суп, пахнущий бараниной и кинзой, хлеб, салат из помидоров и огурцов. И маленькая вазочка с черносливом и грецкими орехами.

— Спасибо, — говорю.

Он кивает, но не уходит. Стоит, смотрит.

— Что? — спрашиваю.

Он достаёт из кармана листок бумаги и ручку. Пишет печатными буквами: «ЗУХРА ПРИГЛАШАЕТ ВАС НА КУХНЮ. ЗАВТРА ПОСЛЕ ЗАВТРАКА».

Я поднимаю глаза.

— Зухра — это повариха?

Кивает.

— А она... русская?

Он пишет: «ДАГЕСТАНКА. ГОВОРIT ПО-РУССКИ».

Я киваю. Он уходит.

Зухра. Повариха. Значит, в доме есть ещё кто-то, кроме него и немого гиганта.

Ложусь спать рано. За окном темнеет быстро — горы съедают свет. Я засыпаю с мыслью о том, что завтра, может быть, узнаю что-то интересное.

Утро начинается с петуха.

Настоящего, деревенского, который орёт где-то во дворе так, что стёкла дрожат. Я вскакиваю, не понимая, где я, и с размаху ударяюсь коленом о столик.

— Да чтоб тебя! — ору на петуха.

Петух не унимается.

Я плетусь в ванную, умываюсь, чищу зубы — щётку и пасту нашла вчера на полочке, новую, нераспечатанную. Смотрю на себя в отражение крана. За ночь круги под глазами стали меньше, щёки порозовели. Горный воздух, что ли помогает? Или то, что я наконец высыпаюсь и отдыхаю от Московской суеты.

Завтрак — овсянка с ягодами, йогурт, свежавыжатый апельсиновый сок. Нубиец приносит с поклоном.

После завтрака я иду на кухню.

Нахожу её по запаху — дрожжевое тесто, корица, жареный лук. Большая светлая комната с огромной плитой, деревянным столом, на котором расставлены банки со специями. У плиты стоит женщина — полная, смуглая, в белом фартуке. Волосы убраны под косынку.

— А, Лера! — голос у неё грудной, тёплый. Акцент густой, южный. — Заходи, заходи, садись! Я Зухра.

— Очень приятно, — я сажусь на табурет. — Вы здесь работаете?

— Работаю. Десять лет. Как Руслан дом купил, я с ним.
— Она месит тесто, руки в муке, двигаются быстро, умело.
— Он хороший человек, Лера. Справедливый.

— Вы знаете, что он похитил меня.

Зухра вздыхает. Отрывает кусок теста, скатывает в шар.

— Знаю. Я ему говорила: «Руслан, не надо, девушка испугается». А он: «Зухра, без неё мне жизнь не мила».

— И это оправдывает похищение?

Она ставит тесто в миску, накрывает полотенцем. Поворачивается ко мне.

— Ты пойми. У нас, в горах, по-другому. Мужчина, если полюбил — идёт до конца. Через горы, через запреты, через закон. Он два года за тобой смотрел. Два года, Лера. Ни одной другой женщины в доме не было.

— Это не любовь. Это одержимость.

— А какая разница? — Зухра пожимает плечами. — Чувство есть. Сильное. Он за тебя жизнь отдаст. Ты это ещё увидишь.

Я молчу. Она пододвигает ко мне пиалу с мятным чаем.

— Пей. Успокойся. Руслан сказал, ты любишь мятный чай.

Я пью. Мята обжигает, мёд тает на языке.

— Зухра, ты знаешь, что за красной дверью?

Она замирает. Рука с ложкой застывает в воздухе.

— Не ходи туда пока, — говорит тихо. — Не надо.

— Что там?

— Не твоё дело. Прости, Лера, но пока не твоё. Если Руслан захочет, он сам тебе всё покажет.

Она возвращается к тесту, спиной ко мне. Показывая, что разговор окончен.

Я гуляю по территории.

Сад большой, ухоженный. Дорожки посыпаны мелкой галькой, клумбы с розами, фонтан с водой, в которой плавают золотые рыбки. Дальше — лес, а за лесом — забор. Высокий, каменный, с колючей проволокой.

Я подхожу к забору. Смотрю вверх — метров пять, не меньше. Поверху проволока, кое-где камеры. Охрана — я заметила двоих мужчин в форме, которые патрулируют периметр.

Бесполезно.

Сажусь на скамейку у фонтана. Жмурюсь на солнце.

Совсем недалеко птицы играют на свирели, и звук плывёт над горами, заставляя меня закрыть глаза.

Я вспоминаю Москву. Пробки, суету, лица людей, которые вечно спешат и при этом никуда не приходят. Свою квартиру с вечно текущим краном и соседом сверху, который играет на саксофоне по ночам. Галерею с Зинаидой Павловой и её багетами.

И вдруг понимаю: я совсем не хочу туда возвращаться.

Эта мысль пугает меня больше, чем запертая красная дверь.

Вечером я набираюсь смелости. Спускаюсь в гостиную, где Руслан сидит у камина с книгой.

В джинсах и футболке — своих, не сорочке. Я настояла, чтобы мне вернули мою одежду, и нубиец принёс джинсы, свитер, даже носки. Словно они всё это время лежали в шкафу.

Он поднимает голову. Кладёт книгу на колени.

— Хорошо выглядишь.

— Комплиментов не надо. — Я сажусь в кресло напротив.

— Я хочу поговорить.

— Слушаю.

— Ты сказал, что отпустишь меня через месяц. Это правда?

— Правда.

— Если я сейчас скажу, что хочу уехать, ты меня отпустишь?

Он молчит. Долго. В камине потрескивают дрова, тени пляшут на стенах.

— Нет, — наконец говорит. — Сейчас не могу отпустить.

— Почему?

— Потому что ты ещё не готова.

— Готова к чему?

— К свободе. Ты привыкла, что тебя постоянно обижают.

Но ты не знаешь, как это когда тебя любят.

— Ты не можешь меня любить, потому что совсем не знаешь.

Он закрывает книгу. Встаёт. Подходит ко мне, садится на корточки, так что наши глаза на одном уровне. Совсем как перед маленькой девочкой.

— Знаю, Лера. Твои картины — это ты. Я их вижу каждый день. В них — твоя душа. Твоя боль, твоя надежда, твоя ярость. Ты — лучшая из женщин, которых я встречал.

— Ты встречал многих? — горько усмехаюсь. — Которым платил за любовь?

— Я встречал женщин, которые хотели моих денег. Ты хочешь свободы и спокойствия. Это намного дороже.

Он протягивает руку. Кладёт ладонь на мою.

— Не бойся меня. Я никогда не сделаю тебе больно.

— Ты уже сделал. Ты меня украл из родного города. Я так и не смогла съездить к отцу.

— Это была вынужденная боль, которая излечит твои остальные раны.

Я выдёргиваю руку.

— Ты самоуверенный, — говорю. — И опасный.

— Я влюблённый, Лер. Это опаснее.

Он встаёт. Протягивает руку.

— Давай потанцуем?

Я удивлённо на него уставилась.

— Здесь нет музыки.

— Музыка везде.

Он подходит к стене, нажимает кнопку на панели. Из невидимых динамиков льётся джаз — саксофон, медленный, тягучий.

Я всё ещё не двигаюсь.

— Я не умею танцевать.

И это правда, я даже на выпускном в школе не танцевала.

— Я научу.

Его рука всё ещё протянута. Я смотрю на неё — широкую ладонь, сильные пальцы, чистые аккуратные ногти.

И вкладываю свою.

Он ведёт меня в центр комнаты. Кладёт руку на поясницу — чуть ниже, чем нужно, и я вздрагиваю. Вторая рука сжимает мою.

Двигаемся медленно. Я смотрю себе под ноги, чтобы не наступить ему на туфли.

— Смотри на меня, — говорит он.

Поднимаю голову.

Его глаза — чёрные, блестящие, как горные реки. От них невозможно оторваться.

— Ты красивая, — говорит он.

— Я в джинсах и без макияжа.

— Тем более.

Он кружит меня, и я чувствую, как его пальцы сжимают мою талию.

— У тебя руки холодные, — замечаю.

— У тебя горячие.

— Потому что ты меня разозлил.

— Злость греет. И любовь.

Он прижимает меня ближе. Моя грудь касается его груди, я чувствую тепло, мускулы под его одеждой, биение сердца — ровное, спокойное.

— Отпусти, — шепчу.

— Сейчас?

— Сейчас.

Он не отпускает. Кружится медленно, и джаз льётся, и тени от камина пляшут по стенам, и я забываю, что я пленница.

Забываю всего на минуту.

Потом отстраняюсь.

— Всё, хватит.

Он отпускает. Убирает руки, делает шаг назад.

— Спокойной ночи, Лера.

— Спокойной ночи, Руслан.

Я ухожу к себе. Долго стою под душем, смывая этот танец с кожи. И его прикосновения.

Они не смываются.

Глава 4. Лера. Вода и кожа

Третье утро в горах начинается с того, что я перестаю просыпаться в панике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.